

МОБИЛИЗАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА В БОРЬБЕ С «ЗАМКНУТЫМ КРУГОМ ЧАСТНОГО СЕКТОРА ХОЗЯЙСТВА»

Работа выполнена при поддержке РНФ грант № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования».

Взаимодействие частного производителя (крестьянина или ремесленника) при посредничестве частного торговца (привлекающего частный кредит) с рядовым потребителем – обеспечивало функционирование частного сектора хозяйства и придавало динамизма экономике нэпа. Эта модель поведения активизировалась в период давления на частника, получив название «замкнутый круг частного сектора хозяйства». «Замкнутый круг», по сути, это частнокапиталистический уклад, который являлся важным и весьма существенным элементом многоукладной экономики нэпа, но при этом оценивался как угроза советскому строю и попытка реставрации капитализма. В рамках пропагандистских кампаний 1924 и 1929 гг. этот образ активно использовался для обоснования нажима на частника. В ходе «астраханского процесса» 1928–29 гг., ряда судебных процессов на Урале в 1929 г. были привлечены к ответственности не только частные предприниматели, но и государственные служащие, которые входили в этот «круг» и обеспечивали его функционирование, что ставит под сомнение утверждения о полной замкнутости «круга». Мобилизационная модель экономики существенно меняла приоритеты и темпы развития страны, соотношение административных и экономических мер государственного регулирования, пропорции легальных и нелегальных видов деятельности, но проблему многоукладности решить не смогла.

Ключевые слова: *нэп, замкнутый круг частного сектора хозяйства, регион, торговля, кредит, многоукладность, частный капитал.*

Рассмотрение проблем мобилизационной экономики связано с анализом многоукладности экономики России, с изучением объективных предпосылок, которые воспроизводят (или сохраняют) хозяйственное многообразие в различные исторические эпохи.

Внутренняя колонизация предопределила как масштабность такого государственного образования как «Российская империя» и ее преемников, так и социально-экономическую асимметрию ее составных частей, регионов. Разнообразие географического положения, факторов и целей развития отдельных территорий сформировали уникальный ландшафт, который радует антропологов, но создает проблемы для экономистов и управленцев. Существование широкого спектра форм и методов хозяйствования, наиболее адаптивных к местным условиям является как преимуществом, так и недостатком экономической модели отечественной экономики. Стремление выровнять уровень развития регионов являлось традиционной целью всех руководителей государства на имперском, советском и постсоветском (федеративном) этапе его истории.

Волны догоняющей модернизации были различной интенсивности, достигали периферии со

значительным временным интервалом, утрачивали свой инновационный потенциал в центре к моменту достижения окраин государства. Порой инновации не сокращали, а усиливали разрыв между отдельными регионами.

Многоукладность экономики в этих условиях являлась не анахронизмом, а закономерной формой существования территориально разобщенного и асимметричного хозяйства страны. Разнообразие форм хозяйственной деятельности позволяло адаптироваться к местным условиям, выбрать из возможных вариантов тот, который позволял наиболее эффективно адаптироваться к местным условиям, мог быть предопределен традицией, которая не испытывала внешнего инновационного воздействия.

В современных исследованиях, посвященных нэпу, делается попытка осмыслить проблему многоукладности, например, в монографии Л. Н. Суворовой [11. С. 61]. Полагаем, что разнообразие может быть не только слабостью, но и силой, обеспечивающей устойчивость системы, особенно в ситуациях, когда государство дистанцируется от конкретного вида деятельности, предоставляет автономию для существования отдельных территорий, не отказываясь при этом от

своих задач – обеспечения единства экономического и правового пространства страны.

Многоукладность и разнообразие актуальны в восстановительные периоды, на этапах ослабления централизованной власти и перераспределения властных полномочий в пользу регионов, либо на удаленных территориях, которые были труднодоступны для прямого администрирования. Напротив, в условиях обострения угроз (внешних или внутренних, экономических или политических, мнимых или реальных) властные полномочия концентрировались в руках центра (имперского, союзного, федерального), а порой персонифицировались. При этом использовался механизм централизованного управления, направленный на тотальное изъятие необходимых ресурсов как со всей территории страны, так и со всех граждан, индивидуальных и коллективных субъектов хозяйственной деятельности, и концентрацию их в руках центральной власти. Методы могли быть подобраны в зависимости от возможностей власти, сроков и целей мобилизации, быть как экономическими, так и директивными, направленными на прямое администрирование в отношении хозяйствующих субъектов.

Формирование в годы нэпа территориально-рыночной, регионально-корпоративной модели региональной политики предполагало предоставления больших прав регионам. Специфика этой модели управления выражалась в локализации производства с учетом местных условий, в общности интересов предприятий различных форм собственности. Территориальный принцип управления экономикой способствовал развитию кооперативных связей, осуществляемых через рынок. В дихотомии «план/ рынок» рыночные начала, идеи хозяйственного расчета порой доминировали, так как органично вписывались в ценностные ориентиры субъектов хозяйственной деятельности. Напротив, идеи тотального планирования и распределения не всегда находили понимание, тем более что реальная практика свидетельствовала о неэффективности данных механизмов.

В этом контексте мы рассматриваем процесс ликвидации «частнокапиталистического уклада» в экономике СССР на заключительном этапе новой экономической политики, когда в соответствии с методикой проведения пропагандистских кампаний был использован наглядный образ «замкнутого круга» частнокапиталистического хозяйства. Этот символ имеет свою историю, укоренен в традиции и адаптивен к восприятию массовым сознанием.

Разумеется, этот круг, по определению «порочный», не имеет ничего общего с защитой от нечистой силы, скорее наоборот, «защищается» от прогрессивного воздействия обобщественного сектора.

Юрий Ларин (Михаил Лурье), подводя итоги существованию частного капитала в СССР за период 1921–1927 гг., следующим образом описывал направление его эволюции: «1) От обслуживания государственного хозяйства к преимущественному сосредоточению операций в области хозяйства негосударственного; 2) при отступлении частного хозяйства в целом перед хозяйством государственным (и кооперативным) – внутри частного хозяйства относительный рост значения и доли хозяйства капиталистического; 3) тенденция капиталистов к созданию замкнутого частнокапиталистического хозяйственного круга, по возможности нерегулируемого государством; 4) отсутствие прочной почвы для длительного успеха этой тенденции и вытекающее отсюда несомненное крушение попыток самостоятельного и независимого хозяйственного маневрирования капиталистов в СССР» [6. С. 286].

Ю. Ларин описывает технологию функционирования «круга» [6. С. 292], которая является примером эффективно работающего бизнеса, отлаженных вертикальных производственных связей, основанных на принципах рыночного хозяйства и учитывающих интерес всех ее участников: производителей – посредников – потребителей. В этой системе в роли производителей выступают сельскохозяйственные производители, владельцы мукомольных предприятий, пекарен и денежных ресурсов, в роли посредников частные торговцы и транспортники, а в роли конечных потребителей – граждане, приобретающие хлеб на рынке.

Используя метод аналогии, напомним о существовании анекдота, в котором Генри Киссинджер объяснял принцип «челночной дипломатии». В этой истории основная роль отводится именно посреднику, напротив, в сценарии с «замкнутым кругом» Ю. Ларин настаивает на доминировании «капиталистического кредита». По нашему мнению, основную роль в организации и «запуске» «замкнутого круга» играл частный торговец, так как организация эффективного взаимодействия между производителями и потребителями не только в производственной цепочке, но и в пространственном аспекте была самой трудной задачей в условиях переходной экономики [4. С. 118–147]. О торговле как основном звене «частного круга» говорится и в монографии Е. А. Демчик [2. С. 76–77].

О важной, но умеренной роли частного кредита в обороте свидетельствуют материалы Урало-Башкирской конторы Кредит-бюро и Обществ взаимного кредита (ОВК), действовавших на территории Уральской области.

В 1922 г. была разрешена организация мелких частных паевых кредитных учреждений под названием Обществ взаимного кредита частных торговцев и промышленников, а также ссудосберегательных и кредитных обществ.

Сводный баланс 55 ОVK на 1 января 1924 г. выражался в 9794 тыс. руб. и составил только 0,8 % сводного баланса этих обществ на 1 января 1913 г [13. С. 9] К концу 1925 г. по всему Союзу ССР их насчитывали порядка 172 [1. С. 105]. Не умаляя роли ОVK в предоставлении легального кредита частнику, отметим, что значительная его часть находилась в тени [5. С. 72–101].

В 1920-е гг. Кредит-бюро аккумулировало большое количество информации, касающейся не только кредитных историй заемщиков, но и посвященной экономической конъюнктуре (как на общесоюзном, так и региональном уровне), осуществляло детальный анализ цен по различным товарам, категориям торговли и регионам, собирало сведения о тарифах на транспорте и многое другое. По данным Кредит-бюро на Урале основными потребителями кредита являлись государственная промышленность, государственная торговля и кооперация, на которые приходилось до 91 % общей суммы кредита [8. С. 104].

Обратим внимание на оценку Ю. Лариным степени замкнутости частнопредпринимательского оборота: «Замкнутый круг» стремится «... нигде не приходиться в соприкосновение с государством, ни на одном звене хозяйственного существования данного предмета не пропускать его через государственный аппарат, – такова “идеальная” схематическая постанова. В жизни эта схема далеко не во всех случаях осуществляется полностью, но в известных пределах, иногда довольно крупных, может быть наблюдаема сплошь и рядом» [6. С. 292]. Реальность порой ярче и разнообразнее, чем фантазии или голая «схема». Частник стремился к независимости от госсектора, но полной независимости не достиг, так как попадал в сферу деятельности фискальных, контрольных и правоохранительных органов, пользовался услугами государственных монополий (транспорт, связь, почта). При этом и возможности контролирующих органов не стоит переоценивать, так как они работали в динамичной среде и находились в стадии формирования. Именно поэтому никто из современников не брал на себя смелость указать

совершенно точную сумму частного капитала в экономике как в силу нелегальной деятельности значительной части предпринимателей, так и из-за отсутствия отлаженной системы контроля и учета.

В чем виделась угроза со стороны частника? Угроз было несколько: чрезмерные наценки, которые могли отразиться на благосостоянии граждан (социальное направление); уход от налогов (фискальное); стремление дистанцироваться от прямого государственного регулирования (административное); сокращение сырьевой базы госсектора за счет создания конкуренции на рынке (сырьевое); оценка «замкнутого круга» как «пятой колонны», на которую эмигранты и контрреволюционеры хотели опереться с целью реставрации капитализма в России (идеологическое).

Последнее было наиболее выигрышным, так как переводило вопрос о существовании частнокапиталистического уклада в идеологическую и политическую плоскость, приписывала частнику стремления свергнуть существующий строй и реставрировать в полном объеме прежние порядки, что квалифицировалось как государственная измена. В своей работе Ю. Ларин приводит цитату из работы Г. И. Ломова: «В декабре 1926 г. в Париже состоялось совещание бежавших из СССР за границу крупных фабрикантов и банкиров... В докладе... Гефтинг обещает, что частный капитал экономически победит советское хозяйство, и указывает для этого следующий путь: “По мере того как советская власть пытается освободиться от услуг частного капитала путем создания казенного торгового аппарата и прекращения отпуска товаров частнику – усиливается стремление последнего, путем объединения со своими естественными союзниками, образовать замкнутую хозяйственную систему, состоящую из крестьян, кустарей, мелких промышленников и частника... Частник опирается на собственную производственную базу в лице кустарей и мелких промышленников – значит укрепляются его позиции в борьбе с заготовительными органами за скупку крестьянского сырья. Частный капитал более прислоняется к своему естественному союзнику – активной верхушке крестьянства”» [6. С. 295].

Ю. Ларин косвенно признает не только наличие «замкнутого круга», но и ограниченность средств борьбы с ним в данный момент времени: «... Попытка капиталистов создать “замкнутый круг” на основе мелкого частного трудового хозяйства заранее обречена на неудачу. Она может иметь лишь преходящий, временный успех на тот

отрезок времени, пока средства и внимание пролетарского государства отвлечены были к другим задачам, еще более первоочередным и ее более неотложным». И далее: «Отбить у капиталистов рабочих покупателей, отбить у капиталистов основные заготовки продуктов мелких трудовых хозяйств в деревне, отбить у капиталистов весь сбыт госизделий – вот схематически основные задачи конкурентной экономической борьбы для периода ближайших лет» [6. С. 296, 298].

Угрозы «замкнутого круга» вновь стала активно использоваться в связи с новым наступлением на частного, так как свертывание нэпа нуждалось в идеологическом обосновании. Идеологическим фоном являлась борьба с оппозицией, получившей в «пространственно-пропагандистской» системе координат наименование «правой» и персонифицированная в лице Н. И. Бухарина.

Одним из звеньев кампании, направленной против частного сектора было так называемое «астраханское дело». Кампания, которая началась в городе Астрахань в 1928 г. с сотрудников Губернского финансового отдела исполкома и городского торгового отдела прокатилась по всей стране и ознаменовала собой очередное наступление на частный капитал. Маневр заключался в том, что удар наносился не непосредственно на линии фронта с противником, а по «тылам» частного, по тем сотрудникам советских органов, которые поддерживали частных предпринимателей. Ю. Ларин, перечисляя источники первоначального накопления частного капитала в народном хозяйстве СССР, приводит такое их название: «агенты и соучастники частного капитала в госаппарате» [6. С. 9].

Суть астраханского дела сводилась к тому, что ряд частных и кооперативных организаций, занятый рыбным промыслом, при помощи взяток должностным лицам снижал свои налоговые отчисления. При этом были арестованы и репрессированы не только непосредственно виновные лица – чистке подверглись многие хозяйственные, государственные и партийные организации Астраханского округа. Расследование длилось весь 1928 г. и закончилось в мае 1929 г. Первоначально арестованным было предъявлено обвинение по ст. 117 и 118 УК РСФСР (дача и получение взяток). Однако по указанию из Москвы вину переквалифицировали по ст. 57 ч. 7 – «экономическая контрреволюция», и дело приобрело политический оттенок» [12. С. 19–28].

В региональной прессе объясняли, почему дело должно считаться политическим: «Астраханщина сложилась из трех составных частей:

правооппортунистического политического руководства, дезорганизации аппарата и контратаки нэпмана против социалистического сектора. Одной из черт правооппортунистического уклона является приспособление к вкусам и потребностям «советской» нэпманской буржуазии. Отсюда – чуждая нам, созданная в угоду нэпману, теория “здорового частника”, получившая детальное освещение на суде. Показатели контратаки частника на социалистический сектор складываются из захвата частником $\frac{1}{4}$ всей рыбной промышленности Астрахани, перекачивание огромных средств из государственного кармана в карман частника. ... Частники стремились создать замкнутый круг накопления, не регулируемый государством ни в одном звене его хозяйственной деятельности. На этот круг возлагали большие надежды белогвардейские банкиры и фабриканты. В декабре 1928 г. в Париже (возможно, речь шла о событии 1926 г. о котором говорилось выше. – А. К.) состоялось совещание белогвардейцев с докладом о “хозяйственной цепи” из крестьян, кустарей, мелких промышленников и частников. Контрреволюционеры Астрахани попытались воплотить в жизнь эту идею. Здесь был налицо замкнутый круг заготовки сырья при поддержке зажиточной ловецкой верхушки, в частные руки сбывалось 80 % всей продукции, промыслы обслуживал частный кредит и частный транспорт. Таковы звенья астраханского замкнутого круга, построенного по схеме – “из моря – потребителю, минуя государство». Во всех звеньях этой системы частник преступными путями уходил от государственного контроля... Контратака астраханских вредителей находит поддержку в той антисоветской борьбе, которая ведется мировым капиталом. Внутри страны она входит в цепь вредительских дел: шахтинского, вредительства в золотоплатиновой промышленности, на транспорте, в Ленинградском судотресте. Вот почему пролетарский суд так беспощадно расправляется с астраханщиной» [9. С. 1].

Средства массовой информации делали все, чтобы предать этим делам политический характер, а на митингах и собраниях говорилось о контрреволюционерах и диверсантах, осуществлявших подрывную деятельность. По мнению А. О. Тюрина, «долгое время имя древнего города стало нарицательным ярлыком, обозначающим крайнюю степень коррупции и казнокрадства» [12. С. 19–28].

В отличие от «астраханского», где в центре внимания оказался рыбный промысел, «свердловское» дело, или «дело Окрфо», основывалось

на выявлении злоупотреблений в фискальной сфере. Отметим, что кампания охватила несколько округов Уральской области: помимо Свердловского, аналогичные проверки, а затем и судебные дела были возбуждены в Курганском и Златоустовском округах.

Не только в периодических изданиях, но и в материалах судебно-следственных дел прослеживается непосредственная связь с «астраханским делом»¹.

В деле Окрфо рассматривалось три основных направления деятельности: 1) работа налогового аппарата по взиманию прямых налогов; 2) деятельность отделений по взиманию прямых и косвенных налогов; 3) особо рассматривалась работа «Отделения ликвидации недоимок налогоплательщиков и реализация имущества государственных фондов»². Обвинительное заключение строилось на том, что чиновники занижали уровень налогообложения частного исключительно из личных, корыстных целей, брали за это взятки в денежной и натуральной форме.

В качестве обвиняемых по делу проходили 14 служащих Областного и Округного финансовых отделов, эксперты Института государственно-бухгалтерских экспертиз Рабоче-крестьянской инспекции (ИГБЭ РКИ). Среди них не было ни одного руководителя высшего звена, а только их подчиненные. Трое на момент следствия являлись членами ВКП (б), один выбыл из партии, остальные были беспартийными. Им инкриминировались преступления, предусмотренные следующими статьями Уголовного кодекса РСФСР (редакция 1926 г.): ст. 109 (злоупотребление служебным положением), ст. 116 (присвоение и растрата), ст. 117 (взятка) и ст. 169 (злоупотребление доверием и обман)³.

Обвиняемыми выступали также частные предприниматели и рядовые граждане, дававшие взятки, в количестве 20 человек. Среди них: частные торговцы (11 человек), владельцы хлебопекарен (4), содержатели парикмахерских (2), бань и номеров (1) и рядовые граждане (2). Отметим интернациональный состав обвиняемых: двое являлись греческими подданными, один – гражданином Чехословакии, а остальные – граждане СССР. Абсолютное большинство из обвиняемых уже было лишено избирательных прав как

частные предприниматели. Этой категории лиц вменялись в вину преступления, предусмотренные следующими статьями: ст. 118 (дача взятки и посредничество во взяточничестве), ст. 169 ч. 2 (мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению)⁴.

В этой связи показательно описание аналогичного судебного процесса над сотрудниками Курганского Окрфо. «... Массы не присутствовали на процессе. Зал судебного совещания представлял “краткосрочные курсы” для всевозможных частных по изучению методов налогового обложения. Мясные торговки, бакалейщицы галантерейщицы, хлебные спекулянты, чиновники, изгнанные из госаппарата, вот кто сидел в зале суда с записными книжечками в руках и записывал “на всякий случай” интересные детали практики налогового дела. Суд работал буквально в мелкобуржуазном окружении. Допрос частного Кириллова, например, проходил под всеобщий гул “аудитории”, причем все симпатии этой “уважаемой публики” были, разумеется, на стороне частного заводчика. Нужно сказать, что и Округной суд в этом деле, как и вообще в деле борьбы с правым уклоном и извращениями политической линии партии, был не на высоте положения...» [7. С. 3].

По нашему мнению, запланированного эффекта судебные процессы на Урале не дали, так как кампания, старт которой дал «астраханский процесс», пошла на спад. Вышедшая в марте 1930 г. статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» переформатировала повестку дня – на смену борьбы с правым уклоном пришла борьба с перегибами на местах – началась новая пропагандистская кампания, которая лишь маскировала намерения властей, окончательно решить вопрос с частным предпринимательством, ликвидировать мелкотоварный, частнопредпринимательский хозяйственный уклад в экономике страны.

Парадокс ситуации заключается в том, что кампания против «замкнутого круга» продемонстрировала тот факт, что круг не такой уж и «замкнутый», как его описывали, так как в него входили и государственные служащие, вовлекались ресурсы обобщественного сектора.

1929 г. олицетворяет не только нажим на частного, но переоценку хозяйственных укладов, которые рассматриваются не через экономическую,

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Ф. 148-р Областной суд, Оп. 1, Д. 382 (Т. 5), Л. 16

² ГАСО, Ф. 148-р, Оп. 1, Д. 382 (Т. 5), Л. 162–194

³ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] / Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 15.03.2016)

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс] / Юридическая Россия. Федеральный правовой портал. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241189> (дата обращения: 15.03.2016)

а исключительно идеологическую «оптику». В условиях ограничения легальных форм взаимодействия частного и обобществленного секторов экономики вытеснение частника привело к формированию «замкнутого круга частного сектора хозяйства». По сути, «замкнутый круг» – это мелкотоварный или частнокапиталистический уклады в экономике страны, адекватные ее технологическому уровню развития, соразмерные величине сельских и кустарно-ремесленных производств, органично «ложившиеся» на корпоративную модель управления, основанную не только на общности экономических интересов, но и на кровнородственных или этнических связях. «Замкнутый круг» был способен оперативно реагировать на потребительский спрос на локальных и территориально-удаленных рынках, в условиях товарного, финансового и кадрового дефицита и постоянно возникающих транспортных проблемах. Но в «замкнутом круге» видели угрозу, так как он ускользал от непосредственного административного контроля властей, создавал прецедент автономного существования в условиях строящегося централизованного и единого «народного хозяйства». Поэтому власти стремились его дискредитировать, связывали сам факт его существования и успешного функционирования с поддержкой враждебных сил, с внутренней и внешней контрреволюцией.

Форсированная ликвидация частника связана с выбором мобилизационной модели экономики, с автаркией, с тезисом об обострении классово-борьбы. Ликвидация привела к дефициту ресурсов, так как обобществленный сектор был не в состоянии заместить экономические ниши, которые прежде занимал частник. Однако эти издержки, с точки зрения властей, были оправданы тем, что идеологический вред от наличия и эффективного существования частного сектора хозяйства был намного сильнее, чем снижение жизненного уровня населения и введение распределительной талонной системы.

Частный сектор не был ликвидирован, он перешел на нелегальное положение, ушел в тень [10], а в ряде регионов продолжал существовать по факту, так как унифицировать экономическую модель хозяйствования директивными методами, особенно на уделанных и труднодоступных территориях, не представлялось возможным. Существование подпольного бизнеса в условиях товарного дефицита было предопределено наличием потребительского спроса, но серьезно отражалось на эффективности производства, так как приводило к хищениям и злоу-

потреблениям, по сути, к существованию плановой, формальной и «неформальной» экономики [З. С. 222–245]. Теневая экономика являлась носителем не столько предпринимательских традиций (которые начали возрождать в 1990-е гг.), сколько криминальных.

Советская экономика оставалась многоукладной на протяжении всего своего существования, но не столь разнообразной и разноцветной палитре, как это было в императорской России и, в экономном варианте, в годы новой экономической политики.

Список литературы

1. А. Л. М. Общества взаимного кредита // Хозяйство Урала. – 1926. – № 12. – С. 104–113.
2. Демчик, Е. В. Частный капитал в городах Сибири от возрождения к ликвидации / Е. В. Демчик. – Барнаул, 1998. – 240 с.
3. Килин, А. П. Антигосударственная» или «реальная» практика хозяйствования? (Синарский трубный завод в 1950-е годы) / А. П. Килин // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 2. – С. 222–245.
4. Килин, А. П. Частная торговля и кредит на Урале в 1920-е годы / А. П. Килин // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 3. – С. 118–147.
5. Килин, А. П. «Капитал в складчину»: социальный состав членов Обществ взаимного кредита на Урале времен нэпа / А. П. Килин, П. В. Носова // «Бублики для Республики»: исторический профиль нэпманов : монография / под ред. Р. А. Хазиева. – Уфа, 2005. – С. 72–101.
6. Ларин, Ю. Частный капитал в СССР / Ю. Ларин. – М., 1927. – С. 286.
7. Литвинов, М. Агентура классового врага разоблачена. Процесс курганского финотдела / М. Литвинов / Ураль. рабочий. – 1929. – 24 декабря. – С. 3.
8. Попов, Я. Вопросы кредита на Урале / Я. Попов // Хозяйство Урала. – 1925. – № 1. – С. 102–108.
9. Приговор астраханцам // Ураль. рабочий. – 1929. – 30 октября. – С. 1.
10. Радаев, В. Теневая экономика в России: изменение контуров / В. Радаев // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4, № 1. – С. 5–12.
11. Суворова, Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л. Н. Суворова. – М., 2013. – 304 с.
12. Тюрин, А. О. «Частник прорывает фронт диктатуры пролетариата»: «Астраханское дело»

в протоколах собраний трудящихся / А. О. Тюрин // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. – 2009. – № 1. – История России. – С. 19–28.

13. Фридман, С. Л. Частный капитал на денежном рынке / С. Л. Фридман // Материалы по обследованию роли частного капитала в хозяйстве Союза. – М., 1925. – Вып. 2. – 104 с.

Сведения об авторе

Килин Алексей Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документационного и информационного обеспечения управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Alexey.Kilin@urfu.ru

MOBILIZATION ECONOMY IN THE FIGHT AGAINST “VICIOUS CIRCLE OF THE NATIONAL ECONOMIC PRIVATE SECTOR”

A. P. Kilin

Ural Federal University named after the First President of Russia Boris Yeltsin, Ekaterinburg.

Alexey.Kilin@urfu.ru

The interaction of a private producer (peasant or craftsman), through a private trader mediation (obtaining private credits), and an ordinary consumer ensured the functioning of the national economic private sector and gave dynamism to the NEP economy.

This model intensified during the pressure on private traders. It was called the “vicious circle of the national economic private sector”.

In fact, the “vicious circle” was the private capitalism mode, which was a very important and essential element of the mixed NEP economy. But it was assessed as a threat to the Soviet system and attempt to restore capitalism. As a part of the propaganda campaigns in 1924 and 1929 this pattern was used to justify pressure on private traders. The question about the full closure of the “circle” was called into question during the “As-trakhan process” in 1928-1929 and a number of lawsuits in the Urals in 1929. It was based on accountability of not only the private businessmen but also the government officials who were the part of this “circle”. The mobilization model of economy changed priorities and the pace of country’s development, the ratio of administrative and economic measures of state regulation, the proportion of legal and illegal activities, but it could not solve the problem of mixed economy.

Keywords: *NEP, vicious circle of the national economic private sector, region, trade, credit, mixed economy, private capital.*

References

1. A. L. M. Obshhestva vzaimnogo kredita [Society of mutual credit]. *Hozjajstvo Urala* [Economy of the Urals], 1926, no. 12, pp. 104–113. (In Russ.).

2. Demchik E.V. *Chastnyj kapital v gorodah Sibiri ot vozrozhdenija k likvidacii* [The private capital in the cities of Siberia from the renaissance to the elimination]. Barnaul, 1998. 240 p. (In Russ.).

3. Kilin A.P. «Antigosudarstvennaja» ili «real'naja» praktika hozjajstvovaniya? (Sinarskij trubnyj zavod v 1950-e gody) [“Anti-state” or “real” practice of management? (Sinarsky pipe plant in the 1950-ies)]. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Present], iss. 2. Ekaterinburg, 2002. Pp. 222–245. (In Russ.).

4. Kilin A.P. *Chastnajatorgovlja i kreditnaUrale v 1920-e gody* [Private trade and credit in the Urals in 1920-ies]. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Present], iss. 3. Ekaterinburg, 2003. Pp. 118–147. (In Russ.).

5. Kilin A.P., Nosova P.V. «Kapital v skladchinu»: social'nyj sostav chlenov Obshestv vzaimnogo kredita na Urale vremen njepa [“Capital chipped in”: the social structure of the members of the mutual credit Societies in the Urals of the period of NEP]. *Bubliki dlja Respubliki: istoricheskij profil' njepmanov* [“Bagnels for the Republic”: historical profile nepmen]. Ufa, 2005. Pp. 72–101. (In Russ.).
6. Larin Ju. *Chastnyj kapital v SSSR* [Private capital in the USSR]. Moscow, 1927. 312 p. (In Russ.).
7. Litvinov M. Agentura klassovogo vruga razoblachena. Process kurganskogo finotdela [Agents of the class enemy exposed. Kurgan process of Finance Department]. *Ural'skij rabochij* [Ural worker], 1929, 24 dec., p. 3. (In Russ.).
8. Popov Ja. Voprosy kredita na Urale [Questions of credit in the Urals]. *Hozjajstvo Urala* [Economy of the Urals], 1925, no. 1, pp. 102–108. (In Russ.).
9. Prigovor astrahancam [The sentence to Astrakhan people]. *Ural'skij rabochij* [Ural worker], 1929, 30 oct., p. 1. (In Russ.).
10. Radaev V. Tenevaja jekonomika v Rossii: izmenenie konturov [Shadow economy in Russia: changing contours]. *Pro et Contra*, 1999, vol. 4, no. 1, pp. 5–12. (In Russ.).
11. Suvorova L.N. *Njepovskaja mnogoukladnaja jekonomika: mezhdu gosudarstvom i rynkom* [The NEP mixed economy: between the state and market]. Moscow, 2013. 304 p. (In Russ.).
12. Tjurin A.O. «Chastnik proryvaet front diktatury proletariata»: «Astrahanskoe delo» v protokolah sobranij trudjashhihsja [“Owner breaks through the front of the dictatorship of the proletariat”: “the Astrakhan deal” in the documents of the workers’ meetings]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Russian Peoples’ Friendship University], 2009, no. 1, pp. 19–28. (In Russ.).
13. Fridman S.L. Chastnyj kapital na denezhnom rynke [Private capital in the money market in book]. *Materialy po obsledovaniju roli chastnogo kapitala v hozjajstve Sojuza* [The materials on the examination of the role of private capital in the economy of the Soviet Union], iss. 2. Moscow, 1925. 104 p. (In Russ.).